

Татьяна Толстая

Татьяна Толстая

Легкие миры

РЕДАКЦИЯ
ЕПЕНЫ ШУБИНОЙ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т52

Оформление переплета и макет –
Студия Артемия Лебедева

Толстая, Татьяна Никитична.

Т52 Легкие миры / Татьяна Толстая. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2018. — 477 [3] с. — (Проза Татьяны Толстой).

ISBN 978-5-17-085088-4

В книгу Татьяны Толстой «Легкие миры» вошли новые повести, рассказы и эссе, написанные в последние годы. Повесть, давшая название сборнику, была удостоена Премии Ивана Петровича Белкина (2013).

«В новой прозе Татьяна Толстая совершила революцию: перешла от третьего лица к первому. Сливаясь и расходясь с автором, рассказчица плетет кружевные истории своей жизни, в том числе — про любовь, как Бунин». (*Александр Генис*)

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-085088-4

© Толстая Т.Н.
© Студия Артемия Лебедева,
художественное оформление
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Легкие миры

На малом огне	11
Про отца	55
За проезд!	60
Вроде флирта	76
Дым и тень	80
Дальние земли	105
Ураган	124
Легкие миры.....	145

С народом

К вопросу о национальной идее ..	201
Адамово ребро	204
Превозмогая обожанье	206
Засор	210
Серебром и чесноком	214
Василий Иванович	219
С народом.....	222
Карна и Желя	225
И люди в нем актеры.....	232
Здравствуй, столица	236
Всё снесут	238

Умм	241
Ирочка	244
<i>Dumb ways to die</i>	247
О стихах и метелях	250
Антинародное	254
Кофточка	259
Сумочка.....	263
Про дружбу народов	266
Без разницы.....	267
Фу.....	269
Му-Му и Фру-Фру: исчезновение Больших Смыслов.....	272
О том	274
Яичечко.....	277
Гной.....	280
Синестезия.....	283
Глупости всякие	286
Двухтыщи	289
Советское ухо	293
Шуба	295
За укусом.....	296
Музыка сфер	300
Синие яйца.....	304
 <i>Может быть, свет</i>	
Тэнгэр хуйсрах.....	315
Синяк.....	318
Читай, читай!	321

Кремлевские сценарии.....	324
О трехчастной структуре выкрикивания	329
Издали похожие на мух.....	336
Триада.....	342
Может быть, свет.....	352
Сарайчик	354
Лозинские и Левицкие	356
Эмануил	360
Которое по счету доказательство бытия Божиего.....	376
Другие миры	378
Домовой.....	381
Бывают странные сближенья.....	384
Юдифь с мечом	387
Чечевица.....	392
Желтые цветы	395
Хряпа тоталитарная.....	405
Рядом, за стеной	409
<i>Pakastin</i>	414
Обедом навеяло	417
Каго	419
Студень	425
 <i>Колдовство. Послесловие</i>	 429
 Волчок.....	 477

Легкие миры

На малом огне

У нас была большая семья: семеро детей, папа, мама, няня Груша, кухарка Марфа, и все мы жили в одной квартире — в Ленинграде, на набережной реки Карповки. Квартира была особенная, двухэтажная. Верхний этаж был одной огромной комнатой, разделенной мебелью на спальню, папин кабинет, черную комнату для печатания фотографий и гостиную с роялем, кроме того, там спали младшие дети. На нижнем этаже жили все остальные.

Я спала в детской, дальней комнате вместе с сестрой Шурой и няней Грушей, кухарка Марфа — в особой комнатке для прислуги, остальные — кто где. Одна из комнат считалась столовой, но и там всегда кто-то спал.

С точки зрения простого советского человека мы были зажавшиеся.

Вот интересно, кстати: дом был построен по проекту архитекторов Фомина и Левинсона в 1931—1935 годах для работников Ленсовета (тут-то их и начали сразу сажать, работников этих). И — пожалуйста, проектируется комната для прислуги. Только что, можно

сказать, каких-то десять лет назад, коммунаки считали, что в доме кухонь вообще быть не должно. Дом политкаторжан на Каменноостровском, с чудным видом на Неву, прямо на Летний сад, так и построен — без кухонь. Советский человек не опустится до такого мещанства, как стояние у плиты. Долой рабский труд, освободим женщину, да здравствуют фабрики-кухни, зразы свекольные, тефтели морковные, человек ест, чтобы жить, а не живет, чтобы есть.

Ну так это простой человек, ему есть не надо, а вот начальству очень даже надо, а поскольку он, начальник, день и ночь работает на благо народа, то ему полагается прислуга, встроенная, так сказать, прямо в кухонный процесс. Для прислуги — стыдливо именуемой «домашней работницей» — и спроектировали комнатку при кухне.

Говорили, что наша квартира предназначалась для самого товарища Кирова, но он не успел в нее въехать, так как 1 декабря 1934 года был, как известно, по приказу товарища Сталина убит — конкурентов надо убирать, поляну зачищать, — и тем же выстрелом был убит и второй заяц: в злодейском покушении были обвинены дворяне дробь интеллигенция, и тут же начались массовые высылки. Говорят, высылали прямо по справочнику «Весь Петроград» последнего дореволюционного выпуска; всех, кто что-то собой представлял, сразу же и выдворяли.

Дом был отличный; издали он был похож на развернутый плакат, опирающийся на две широкие тумбы, чуть сутулый, с впалой грудью, — от этого

верхние углы его были острыми, четкими, и в этом читалась некая лихость; весь второй этаж был обнесен стеклянной стеной, выходявшей на балкон, опоясывающий здание, с пятидесятых годов там был детский сад, а уж как задумывали Фомин и Левинсон — не знаю. Может, им грезилась какая оранжерея, где умученная круглосуточными трудами исполнительная власть могла бы отдохнуть под пальмами и араукариями. В одной ноге дома предполагалась прачечная, но, по слухам, она так и не заработала, а за всегда запертой дверью в тридцатые годы сидел чекист и следил в глазок: кто входит, кто выходит. Оттуда хорошо просматривался почти весь двор. Перед домом был изящный фонтан в виде черного квадрата, раза два за свою жизнь я видела, как он работал. На большее коммунальное хозяйство не замахивалось, надо было ловить врагов и расстреливать их. У дома были висячие наружные лестницы, длинные, леденящие попу каменные скамьи, особые, приподнятые над землей террасы, засеянные газоном и украшенные шиповником, цветник во дворе, множество высоких решеток с римским узором в виде перечеркнутого квадрата, какая-то асимметричная каменная веранда, ведущая к теннисному корту (тоже никогда не работавшему). На одной из террас стояла вообще никому не понятная вещь — каменный куб на ножках, и на одной его грани — барельеф плотного, без шеи футболиста, который вот сейчас ударит по мячу. Конструктивизм. У двух квартир — нашей и еще одной в соседнем подъезде — были вторые этажи, вы-

ходившие на просторный солярий, обрамленный каменным желобом-ящиком для цветов.

Кирова застрелили, и прекрасная эта квартира досталась другому, сменив нескольких хозяев. В ней жил, в частности, артист Юрьев. На нашей лестнице, на втором этаже, также жила сестра Мейерхольда, и говорят, что, когда в ночь ареста Мейерхольд навестил Юрьева и спустился с пятого этажа к сестре, тут его и повязали.

Уж не знаю, почему Киров стремился переехать в эту квартиру. Наверно, новенькая, с иголочки, двухэтажная, с видом на реку, она манила его. Но, по-моему, та, в которой он жил на Каменноостровском проспекте в доме Бенуа (там теперь его музей), ничуть не хуже. (В свое время она принадлежала какому-то адвокату, но ее экспроприировали.) В этот музей никто не ходит, а зря. Там чудные вещи. Там американский холодильник «Дженерал электрик», прототип нашего «Севера», но только до сих пор прекрасно работающий, необыкновенной красоты и функциональности, толстый такой, с закругленными углами, похожий на сугроб; там красный компактный томик Марксова «Капитала», подаренный Кирычу на днюху любящей супругой, которой он так охотно и обильно изменял; там на полу шкура белого медведя — кто его убил, не сообщают; там книга исполинских размеров: отчет работниц какой-то обувной фабрики, все ложь и очковтирательство, галоши они там будто какие-то... А сам-то Кирыч вечерами катался на финских коньках в финской шапке — клеил баб, белье

носил не пролетарское, а иностранное, добротное — все это в музее любовно выставлено, шкафы и кресла у него были не советские, а удобные и красивые, царского времени, и вообще, несмотря на фальшивые потуги работников музея (изумленных посетителем-одиночкой, коим была я) как-то воспеть беспардонного бабника и сибарита, каковым был дорвавшийся до сладкой жизни «мальчик из Уржума», — весь музей, каждый его экспонат вопиет о том, что надо не революцию делать, а строить буржуазное общество, и что уж Кирыч-то буржуазными утехами упивался вовсю.

Мы же в нашу карповскую квартиру переехали в 1951 году, папе она досталась как многодетному отцу, причем никто не ожидал такого щедрого подарка судьбы — семья наша жила до того в том же доме в маленькой квартирке, а за эту, большую, насмерть дрались какие-то два немаловажных начальничка. И, как это иногда случается, сработал принцип «не доставайся же ты никому» — в этот момент очень удачно родилась я, и исполком (или кто там этим ведал) воспользовался случаем и не стал создавать себе врага и выбирать из двух зол, а отдал жилплощадь многодетным, ведь дети у нас — это святое, и камень никто не бросит. По родительским рассказам, папа пришел в исполком просить об улучшении жилищных условий как раз в тот момент, когда председатель сидел, обхватив голову руками в ужасе от нерешаемой задачи: кому из двух важняков отдать квартиру. Услышав папу, он крикнул: «Вас бог послал! Скорее бегите туда и вносите чемоданы!» Тогда суще-